

Ольга Бронникова. Я представляю наше общее исследование по Франции с коллегой-социологом Беллой Остромоуховой из Университета Париж-Сорбонна. По французскому кейсу мы с ней работаем вместе. Она занимается более, так скажем, культурной составляющей этого образа России, я – скорее, в более политическом ключе разбираю этот вопрос.

Мы используем общий теоретический, методологический подход, который можно в общих чертах назвать социологией эмоций.

В нашей части проекта мы изучаем эмоциональное прочтение российской и советской истории в разных социально-профессиональных группах во Франции.

В сегодняшнем выступлении я обозначу результаты серий интервью с политическими активистами франкоязычной среды левых. Сегодня они абсолютно неоднородны. По сути, я предлагаю первые попытки проанализировать так называемое сообщество левых активистов во Франции как эмоциональное сообщество под углом его отношения к советскому прошлому и, в частности, к революцией 1917 года.

Эта тема постоянно всплывала во время интервью. Меня поразило, что во Франции прошло и проходит значительно больше научных мероприятий, посвященных столетию Русской революции 1917 года, чем в России. В 2017 году, практически каждый день во Франции есть конференции, коллоквиумы, семинары, посвященные 100-летию 1917 года.

Работа над репрезентациями или образами, если она основывается не на глубинных биографических интервью, а на материале особенно количественных исследований, может дать какой-то общий срез мнений и пониманий, которые отражают в массе своей, скорее, такой неотрефлексированный опыт восприятия медийной информации, в первую очередь, или потребления культурной продукции. Такое исследование может быть интересно с точки зрения рецепции обществом огрубленных медийных образов. Но оно не всегда объясняет механизм индивидуальной, коллективной работы с памятью в той или иной стране или сообществе.

В данном исследовании нас интересовало то, что в социологии прагматически называется режимом вовлеченности в национальное сообщество разных левых поколений во Франции через призму их отношения к советскому прошлому.

Мы не ставим задачи – составить типологию эмоций, сказать, что у этих активистов или у этой группы населения в первую очередь выражена определенная эмоция в отношении к советской, российской истории. Нам скорее интересуют процесс вербализации. Во время интервью мы рассматриваем ситуацию вербализации разных эмоций в различных ситуациях взаимодействия с исследователем.

Нам вдохновила также последняя публикация историка Андрея Зорина об истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века, которая, на мой взгляд, прекрасно отражает и объясняет соотношение между индивидуальным прочувствованием, которое в принципе на языке социологии можно трактовать еще как некий социальный и эмоциональный опыт, и тем, что он называет эмоциональными матрицами конкретной – по сути, это публичные образы чувств, на которые человек ориентируется.

Мы пытались посмотреть на эмоциональный опыт наших респондентов с двух точек зрения – индивидуального прочувствования какой-то определенной темы, связанной с советским прошлым, и одновременно опыта эмоциональных матриц, характерных для французского общества.

Нам интересовало не только изучение глубоких эмоций (таких, как страх), но и то, каким образом в респонденты выражают опыт прочувствования страха, например в период холодной войны, и то, каким образом эти эмоции оказывали влияние на их жизненную траекторию.

В исследовании представлений о России возникают неожиданные трудности. Например, многие из наших собеседников думали, что мы ожидали от них экспертных знаний в геополитике. Когда мы начинали общаться с обычными гражданами на темы, связанные с Россией, практически, это не всегда было возможно. Потому что либо люди

воспроизводили суждения, почерпнутые из СМИ, который сейчас много негативного рассказывают о России, либо люди вообще отказывались на эти темы разговаривать. Они говорили: это нам неинтересно. Таким образом, нашими респондентами стали те, кто интересуется советской историей либо современной российской жизнью и политикой.

Надо сразу отметить, что в доминирующем либеральном дискурсе на Западе, где сама геополитика рассматривается как анахронизм и ассоциируется с агрессией, Россия выступает как политически и социально архаичная страна. Один из наших собеседников – французский социолог, который работает с российским материалом, подчеркнул, что Россия воспринимается сегодня во Франции как страна третьего мира, через призму авторитарного российского режима.

В то же время эмоциональная составляющая ответов об отношении между Россией и Францией интересна, в том числе, потому, что, советская история была воспринята многими французами как часть их собственной истории. Многие из респондентов подчеркнули важность социально-политических разногласий и разломов самого французского общества во время, в первую очередь, большевистской революции, во вторую очередь – Второй мировой войны и в третью очередь, соответственно, - в период холодной войны.

Французский случай интересен, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, отношение к России сегодня раскалывает французское общество. Причем речь идет не только о расколе, регулярно обсуждаемом в СМИ - на крайне правых и крайне левых. Один из респондентов – левый активист, преподаватель истории в школе предложил нам провести фокус-группу с учащимися в печально известном парижском пригороде Сен-Дени, где были протестные выступления молодежи, где жгли машины и т.д.. Оказалось, что учащиеся, особенно лицеисты-старшеклассники – это второе поколение мигрантов (их родители чаще всего приезжали из стран Магриба, бывших французских колоний) - активно интересуются Россией и даже

проецируют на Россию свои проблемы, возникающие во Франции, связанные с расизмом, дискриминацией. Таким образом, Россия рассматривается учащимися как некий альтернативный путь в противостоянии третьего мира, то есть бывших колоний - и западных империй.

Во-вторых, российское присутствие во Франции всегда было очень важным. Трех волнам эмиграции из России, СССР во Францию в XX веке, - после 17-го, после Второй мировой войны и в 70-е годы - предшествовала эмиграция российских революционеров, которые выбрали Францию, Швейцарию в качестве основных центров политической эмиграции в Европе.

В-третьих, до сих пор во Франции существует равнодушное отношение к русской классической литературе XIX века. Как заметила одна из респондентов, российская культура процветала, в том числе, и на территории Франции. Нельзя не принимать во внимание, что с XVIII века, французская культура играла ведущую роль в европейской социализации французской культуры.

Начиная с 2011 года ряд ключевых моментов, связанных с политикой России, заметно поляризовали французское общество, и сейчас опять наблюдается кристаллизация позиций на обоих полюсах - пророссийских или антироссийских групп мнения. Эта тенденция была усилена недавними публикациями о российском влиянии на французскую политику в период предвыборной кампании во Франции.

Так называемая пророссийская позиция была заклеена как коллаборационистская в отношении российского режима, а противоположная - как русофобская. Эти оценки вызвали сильные эмоции у тех, кто придерживается той или иной позиции.

Что касается наших респондентов - левых активистов, то в этой среде наблюдается разочарование Россией или недоверие к ней. Практически, все респонденты сравнивали советский период и текущие события и в этой связи говорили о поляризации французского общества по аналогии с отношением французского общественного мнения к СССР.

Некоторые респонденты критически отнеслись к этому параллелизму, считая, что сравнение некорректно. Они обращали внимание на неисторичность сближения советского и нынешнего периода отношений России и Франции.

Однако, можно выделить позицию респондентов, которые говорили о возврате холодной войны. Этот образ вызвал особенно сильные эмоции у тех, кто связывал период холодной войны со страхом и чувством незащищенности как на международном уровне, так и на национальном.

Характерно замечание одной из респонденток (правозащитницы, придерживающейся анархистских взглядов): отношение к России стало ключевым моментом в предвыборных программах практических всех французских кандидатов в президенты. Она увидела в этом плохой знак, свидетельство возвращения к периоду жесткого противостояния между Россией и Западом.

Другая характерная оценка, прозвучавшая в интервью одного из респондентов - представителя анархистских взглядов, состояла в том, что Россия – это не только политически непривлекательная для анархистов страна, но страна, в которой отсутствует взаимопомощь, в которой каждый - только сам за себя.

Чувства потери, ностальгии и меланхолии характерны для среды левых активистов, в первую очередь марксистского толка, но также и для части анархистов. Эти чувства, в значительной мере, были реакцией на распад СССР в 1991 г.

Приведу пример из интервью с активистом-анархистом, который выступает против концепции партий и, в общем, против большевиков. Тем не менее, он признается, что испытывает ностальгию по «определенному моменту истории», - имеется в виду большевистская революция, в ходе которой «люди хотя бы попытались что-то сделать, что-то изменить».

Еще одна ключевая эмоция, которую мы выделили, анализируя интервью, - *страх*: большая часть респондентов постоянно упоминали страх, который Россия исторически вызывала во Франции.

Некоторые из наших собеседников, в том числе выходцы из России, приехавшие во Францию с родителями довольно давно, подчеркивали чувство страха, когда говорили о России. По мнению респондентки-правозащитницы, которую я уже упоминала, «все боятся России – в Брюсселе, во Франции, везде. Этот страх рациональный и иррациональный. Это наследие Советского Союза, большевистской революции, страх, накопленный в течение нескольких поколений».

В период холодной войны этот страх иногда становился причиной гражданского активизма. Один из респондентов вспоминал, что во время школьных уроков истории, которую преподавала беженка из Восточной Германии, он испытывал сильный страх перед угрозой войны. Впоследствии, как он считает, это эмоциональное переживание сыграло активную роль в формировании взглядов, которые привели его в среду активистов, борющихся против угрозы ядерной войны и распространения ядерного оружия.

Наше исследование показывает, что доминирующий сейчас во Франции медийный образ отношения к России, который сводится к тому, что крайне левые или крайне правые поддерживают путинский режим, - обедняет и схематизирует реальную картину. Проведенные интервью свидетельствуют, что среди левых активистов существует многообразие эмоций и логик рассуждения. Конечно, значимым фактором, влияющим на отношение респондентов к современной России, является их идейная позиция и сфера их общественной активности. Однако идейно-политический комплекс не действует изолированно. Он впитал исторически сложившееся восприятие России (в том числе, Русской революции 1917 года, периода холодной войны, распада СССР), пропущенное сквозь призму эмоционального опыта, включающего, как

влияние родительских установок и личных контактов с Россией и русскими, так и с полученный в разном возрасте опыт переживания событий, связанных с Россией.